

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501

УДК 811.512.156:811.512.145:811.161.1:811.134.2:398.61

Научная статья / Research article

Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках

О.С. Чеснокова , Т.Ф. Усманов Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 timur.usmanov25@gmail.com

Аннотация. Исследование представляет опыт контрастивного лингвокультурологического исследования образов основных явлений природы (*солнце, луна/месяц, день, ночь, звезды, тень, ветер, дождь, снег/лед*) в загадках четырех фольклорных традиций, относящихся к тюркоязычным (тувинская и татарская), славянской (русская) и романской (испанская) лингвокультурам, с использованием интерпретации особенностей поэтики. Природа универсально связывает воедино различные уровни познания, вызывает образные ассоциации, относится к архетипическим константам мифопоэтического творчества. Загадки о природе представлены в словесном творчестве любого этноса. Теоретически и практически важным представляется систематизация данных о поэтике тематически идентичных загадок разноязычных культур. Предмет исследования — загадки о природе, объект — языковые средства, создающие образы *солнца, луны/месяца, дня, ночи, звезд, тени, ветра, дождя, снега/льда* в загадках тувинского, татарского, русского и испанского этносов. Материалом послужили около 400 тувинских, татарских, русских и испанских загадок на темы природы из изданий по тувинскому, татарскому, русскому, испанскому фольклору; загадки, зафиксированные в сборниках загадок и размещенные на интернет-сайтах. Основные методы исследования — семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, сопоставительный анализ. Главная задача статьи — проанализировать модели образного представления и поэтики девяти явлений природы в четырех лингвокультурах. Установлено, что этнолингвистическое содержание и поэтика загадок о природе варьируют в зависимости от объективных природно-географических факторов, доминант народного мировидения и типологической принадлежности языков. Наиболее многочисленными и метафорически разветвленными во всех четырех лингвокультурах оказались загадки о *солнце, ветре* и *луне*. Исследованные загадки о природе проявляют признаковую детерминанту тюркских и событийную детерминанту русских и испанских загадок. Имеющееся сходство образов говорит о евразийском континууме загадок о природе.

Ключевые слова: фольклор, загадка, тувинцы, татары, русские, испанцы, лингвокультура, природа, поэтика, диалог культур

© Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарность:

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (Российская Федерация). Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 1.04.2022

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф. Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 483—501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles

Olga S. Chesnokova , Timur F. Usmanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
 timur.usmanov25@gmail.com

Abstract. The article offers evidence of contrastive ethnolinguoculturological analysis of images of major natural phenomena (*the sun, the moon, the day, the night, the stars, the wind, the rain, the snow/ice*) in the riddles of four folk cultures that belong to Turkic (Tuvan and Tatar), Slavic (Russian), and Romance (Spanish) linguocultures, with interpretation of peculiarities of the poetics. Nature binds together different levels of cognition, evokes imaginative associations, refers to the archetypal constants of mythopoetic creativity. Riddles about nature are presented in the verbal creativity of any ethnic group. Theoretically and practically, it is important to develop a unified ethnolinguoculturological approach to study the poetics of thematically identical riddles of multilingual cultures. The subject of the article is riddles about nature, the object is linguistic means that create images of *the sun, the moon, the day, the night, the stars, the wind, the rain, the snow/ice* in Tuvan, Tatar, Russian-speaking, and Spanish ethnic groups. In the study, around 400 Tuvan, Tatar, Russian and Spanish riddles about nature from books on Tuvan, Tatar, Russian and Spanish folklore were used, along with riddles found on the Internet. The study methods include semantic, interpretative, linguoculturological analysis, culturological commentary, and comparative analysis. The main objective of the article is to analyze models of figurative representation and poetics of nine natural phenomena in four linguocultures. The article establishes that the ethnolinguistic content and poetics of riddles about nature vary depending on objective natural and geographical factors, dominant folk worldview, and typological affiliation of languages. The most numerous and metaphorically branched in all four linguistic cultures were the riddles about *the sun, the wind, and the moon*. The investigated riddles about nature show the characteristic determinant of the Turkic and the sporadic determinant of the Russian and Spanish riddles. The similarity of the images suggests a Eurasian continuum of riddles about nature.

Key words: folklore, riddle, Tuvinians, Tatars, Russians, Spaniards, linguoculture, nature, poetics, dialogue of cultures

Financing. Acknowledgement.

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program. All authors have contributed equally

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 01.04.2022

For citation:

Chesnokova, O.S. & Usmanov, T.F. (2022). Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 483—501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Введение

Загадка относится к древнейшему жанру словесного творчества. Определение загадки как хорошо составленной метафоры структурировало изучение текстов и функций загадки в различных языках и культурах. Загадка представляет текст различной протяженности, различной художественной конструкции (проза или поэзия) в виде прямого или косвенного вопроса и ответа. Поэтому композиция загадки универсально включает связанные между собой вопрос и ответ и подразумевает двух участников, в роли которых может выступать не одно лицо, а коллектив. В.И. Даль определял загадку как «что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [1. С. 506]. Современное понимание загадки приблизительно такое же: «краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, которое нужно узнать, разгадать» (Новейший большой толковый словарь русского языка, 2008).

Естественная среда традиционного обитания этноса, национальная риторическая традиция придают загадке, или «загадочному тексту», по В.Н. Топорову [2. С. 8–53], этнокультурную специфику. Возникнув как сакрально-обрядовые знаки, загадки становятся анонимными фольклорными текстами, приобретают свойственные фольклору противоречия, в том числе, противоречия фольклора с самим собой [3. С. 28]. Поэтика загадок сопряжена с их современной игровой, обучающей, воспитательной функциями в лингвокультуре, которая понимается нами, вслед за В.В. Красных, как воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура [4. С. 60].

В современном языкознании наметились новые подходы к изучению загадки, среди которых выделим ведущий лингвокультурологический в сочетании с когнитивным, семиотическим и контрастивным [5. С. 176; 6. С. 97–101; 7. С. 59–71; 8. С. 144–147; 9; 10. С. 305; 11. С. 572–579].

Эмпирическую базу нашего исследования составила авторская картотека, включающая около 400 загадочных текстов, среди которых 98 тувинских, 97 татарских, 90 русских, 98 испанских загадок о природе, извлеченных из лексикографических источников, изданий по фолькло-

ру методом сплошной выборки [12. С. 253; 13. С. 3–35; 14. С. 560; 15. С. 416; 16. С. 278; интернет-источников^{1, 2, 3, 4}.

Основные методы исследования: семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, сопоставительно-типологический анализ. Мысль выдающегося философа и культуролога М.М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [17. С. 354], авторы рассматривают как стимул для предпринятого сопоставительно-контрастивного лингвокультурологического исследования загадок о природе в тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультурах.

Характеристика тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультуры

Как предпосылка валидности *контрастивного лингвокультурологического* анализа загадок в четырех лингвокультурах необходима их краткая характеристика.

Тувинский, татарский и русский этносы образуют органичную часть России как полиэтнического государства и часть русскоговорящего населения Российской Федерации.

Тува (Тыва), в силу уникальности географического положения, относится, по заключению Ч.К. Ламажаа, к лимитрофной зоне, а ее население сочетает тяготение к разным цивилизационным общностям [18. С. 180]. Природа традиционно занимала ключевое место в мировидении и мифотворчестве тувинцев [19. С. 180], а тувинские древние праздники, как, например, Шагаа или Наадым, отражают не только философские и этические представления, но и константы мифопоэтического творчества тувинского народа, в частности, спаянность с природой и ее одухотворение. Интересующая нас тема загадок связана с тувинским ритуалом загадывания по вечерам, чтобы не отвлекаться от работы, с состязанием жителей соседних юрт, а также с новогодним праздником Шагаа, когда загадки становились формой соперничества молодежи во главе с остроловами «уран-чечен» [20. С. 362].

Татары являются вторым по численности, после русских, наиболее многочисленным этносом Российской Федерации [21. С. 14–31; 22. С. 34]. Этногенез татар остается одной из интереснейших и не решенных задач [23].

¹ Режим доступа: <https://infourok.ru/tuvinskie-zagadki-tiva-tiviziktar-1086968.html> (дата обращения: 12.12.2021).

² Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/zagadki-na-tatarskom-yazyke_db14f0cb90f.html (дата обращения: 12.12.2021).

³ Режим доступа: <https://www.kostyor.ru/student/?n=325> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Режим доступа: <https://www.pocooyo.com/adivinizas/naturaleza> (дата обращения: 12.12.2021).

Как справедливо пишет Р. Теляшов, «история взаимоотношений татар и русских — это значительная, громадная, очень важная часть общей истории России и ее коренных народов [24. С. 11]. Этнологам хорошо известно высказывание Льва Гумилева: «Татары — народ не рядом с нами, они внутри нас, они в нашей крови, нашей истории, нашем языке, нашем мироощущении» [Цит. по: 25. С. 5].

Русскоязычная лингвокультура России уходит корнями в культуру восточных славян и в настоящее время охватывает лингвокультуру этнических русских, а также билингов, владеющих русским языком, в нашем случае, — тувинцев и татар.

Современная испанская лингвокультура является синтезом иберийских, греческих, романских, семитских черт и самобытным полиэтническим средиземноморским пространством [26. С. 21–23; 27. С. 250]. В Испании четыре коофициальных языка: испанский, каталанский, гасилийский, баскский, но подавляющее большинство граждан Испании, родной язык которых не испанский, являются билингвами, владеющими испанским языком.

Природа в словесном творчестве

«Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты», — пишет создатель пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилев [28. С. 10]. Он предлагает термин «этносфера»: это «мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля» [28. С. 44]. По мнению основателя системной лингвистики Г.П. Мельникова, ландшафтно-климатические условия являются основополагающими в развитии языка и истории народа [29. С. 90; 30. С. 28], что находит отражение в детерминантах типологически различных языков, связывающих воедино все уровни языка.

Природа упорядочивает уровни этносферы. Если, по наблюдению В.Я. Проппа, сказок о природе относительно мало [3. С. 48–49], то пословицы, приметы, суеверия, загадки о природе представлены в словесном творчестве широко, при этом уже аксиомой стала связь пословичного фонда и загадок.

Загадки о природе в тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультурах

Для данной статьи мы выбрали девять основных явлений природы (*снег* и *лед* объединены как различные агрегатные состояния одного явления), которые выступают единичными отгадками загадок в четырех исследуемых нами лингвокультурах. Обобщим слова-отгадки в виде таблицы.

**Обозначения явлений природы /
Denominations of natural phenomena**

	тувинский язык / Tuvan language	татарский язык / Tatar language	русский язык / Russian language	испанский язык / Spanish
1	хүн	кояш	солнце	sol
2	ай	ай	луна/месяц	luna
3	хүн	кен	день	día
4	дүн	тен	ночь	noche
5	сылдыс	йолдыз	звезда	estrella
6	хөлеге	күлэгө	тень	sombra
7	хат	жил	ветер	viento
8	чаъс	яңгыр	дождь/ливень	lluvia/aguacero
9	хар	кар	снег/лед	nieve/hielo

Солнце

В нашей картотеке наибольшее количество загадок для четырех лингвокультур, несмотря на их географическую удалённость, оказалось именно о солнце. В тувинских загадках солнце персонифицируется, предстает в виде «небесного отца», артефактно метафоризируется и одновременно олицетворяется как кормящая человека «красная чашка»: *Дээр адазының тейи көстүп келди* [12. С. 10]; *Бурунгаартан кызыл дашка келген, Чемижсин каап каан.* [12. С. 11].

Примечателен тувинский образец, где комбинируются три загадываемых денотата: *солнце, снег, лед*, не обнаруженные нами в трех других лингвокультурах: *Алдын чайыр чылытты, Ак ширтек союлду* [12. С. 16].

В татарском фольклоре солнце предстает в разных гендерных обликах: как мужчиной и мужем луны, так и девушкой — женой луны, а солнце принято сравнивать с золотом: *Алтын китте, көмеш килде* [13. С. 19].

В русских загадках солнце антропоморфно предстаёт как мужчина «(золотым) хозяином» и противопоставляется месяцу или луне, что в совокупности отражает событийную детерминанту флективных языков, по Г.П. Мельникову, ярким представителем которой является русский язык [29. С. 74]:

Золот хозяин — на поле;

Серебрян пастух — с поля [31. С. 48; 15. С. 307].

Имеются также сравнения солнца с девушкой:

Сестра к брату в гости идёт,

*Он от неё прячется*⁵.

Для средиземноморского мира, к которому относится испанская лингвокультура, солнце выступает то как друг, то как испепеляющий враг. В загадках используются антропоморфные метафоры мужчины, облеченного властью: *rey* «король», *pastor hermoso* «прекрасный пастух», *hombre hermoso* «красивый мужчина», а также артефактные метафоры денег как мерил ценности: *moneda grande y dorada* «большая золотая монета»:

*Dicen que soy rey
Y no tengo reino;
Dicen que soy rubio
Y no tengo pelo;
Afirman que ando
Y no me meneo;
Arreglo relojes
Sin ser relojero* [16. С. 53].

Понятийно связаны с загадками о солнце загадки о солнечном луче. В тувинской лингвокультуре солнечный луч мифопоэтически предстаёт золотисто-желтой нитью:

*Агаардан баткан
Алдын-сарыг удазын
Устүүртен баткан
Узулбес сарыг удазын* [12. С. 10].

Татарская традиция ассоциирует солнечный луч с золотым мечом: *Алтын кылыч жиргә төште, Тавышын беркем ишетмәде* [13. С. 16], а в русской загадке он сравнивается с пресным молоком: *Пресное молоко на пол льют, ни ножом, ни зубами соскоблить нельзя* [14. С. 224].

Испанская фольклорная традиция констатирует сиюминутность солнечного луча, при этом используется средний залог, передающий достоверность не зависящего от воли человека события, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков: *Apenas se la ve entrar/ Y la casa ha de llenar* [16. С. 50].

Очевидно, что золотой цвет солнца представлен во всех четырех лингвокультурах, при этом оттенки солнца наиболее разветвленно обнаруживаются в тувинских загадках за счет использования биоморфной и артефактной поэтики.

⁵ Режим доступа: <https://multi-mama.ru/zagadki-pro-solnce/> (дата обращения: 12.12.2021).

Луна/месяц

В тувинских загадках луна ассоциируется с «шубой» и «лохматой головой», а лунный свет — с «шелковистой кисточкой». Сравним: *Бодум борбай, Бажым соглай (салбай); Муң каът чагылыг, Мундаазын чалаалыг* [12. С. 8].

Биоморфный код представлен перечислением качеств сущностей, приписываемых луне, где зооморфные признаки представлены образом сурка, например:

*Шүглүр аза,
Шүүк меге,
Сарыг-мелдер тарбаган* [12. С. 8].

При диверсификации конфессиональности татар, ислам является их доминирующей религией, поэтому татарская лингвокультура уделяет особое значение полумесяцу — началу лунного месяца по мусульманскому календарю и символу ислама. При этом даже татарская детская загадка о луне содержит точную фактическую природную информацию:

*На тридцатый день глупеет,
на четырнадцатый умнеетб.*

По данным нашей картотеки, в татарских загадках луна сравнивается с хлебом, а месяц — с половинкой хлеба (краюшкой): *Өй артында — ак калач; Ярты телем ипи /Бөтен дөнъяга житкән* [13. С. 21].

Аналогично и в русской загадке луна так же сравнивается с краюшкой хлеба:

*За бабкиной избушкой
Висит хлеба краюшка;
Собаки лают,
А достать не могут* [15. С. 307].

В испанских загадках солнце совершенно логично сравнивается с золотом или золотой монетой, а луна — с серебряной. Однако в некоторых загадках луна предстает красивой дамой, одетой в золото, например:

*Una dama muy hermosa
con un vestido de oro,
siempre volviendo la cara
hacia un lado y hacia otro* [16. С. 49].

Итак, луна и солнце в загадках четырех лингвокультур оказываются антитепами, соперниками и врагами, поэтому часто встречаются в едином тек-

⁶ Режим доступа: <https://www.hobobo.ru/zagadki/tatarskie-zagadki> (дата обращения: 12.12.2021).

сте и одновременно противопоставляются друг другу. В тувинском материале нами не было обнаружено загадок одновременно о солнце и луне. Желто-золотистый цвет типичен для загадочных текстов о луне для всех четырех лингвокультур. Зооморфные образы луны различны: сурок представлен в тувинских загадках и лакунарен в других лингвокультурах; хлеб типичен для татарской и русской лингвокультур, золото представлено в татарском, русском, испанском материале и не обнаружено в тувинском, где присутствуют артефактный код: «*доха*», «*кисточка*».

День и ночь

Загадки про день и ночь являются достаточно редкими. В тувинском и русском материале мы обнаруживаем одинаковые загадки, в которых день и ночь представлены врагами:

Ийи өжээти сүрүштү
Ийи өжээти сүржүп төнер (төнмес) [12. С. 9].

В татарской лингвокультуре, напротив, день и ночь предстают братьями: *Ике туган: Берсе ак булган, Берсе кара булган* [13. С. 18].

В русском и испанском языках находим похожие загадки с зоометафорами «черная корова» (исп. *vaca negra*), «черная/белая курица» (исп. *gallina negra/blanca*):

Черная корова всех людей поколола,
А белая встала, всех поподымала [14. С. 220];
Una gallina blanca
Desparrama pollos;
Pero llega la negra
Y los junta todos [16. С. 231].

Как правило, день и ночь предстают антиподами, которым придаются признаки живого существа: зооморфного или антропоморфного.

Звезды

В фольклоре звезды являются одним из самых часто используемых небесных объектов. В тувинских загадках звезды биоморфно предстают войском, артефактно — бисером, разбросанным по шелковистому полотну. Нередко присутствует упоминание степи — доминирующего природного фактора Тувы: *Кара ховуда — Хамык шеригниң одаа кыпты* [12. С. 7].

Признаковая, по Г.П. Мельникову, детерминанта агглютинирующих языков наблюдается, на наш взгляд, в конкретике и детализации загадываемых

денотатов со звездами, таких, как, например, «звезды в ночном, темном небе», где взаимодействуют пищевой и цветовой коды: *Дош кырында — кызыл-тараа; Дош кырында сарыг-тараа төктү берди* [12. С.8].

Примечательно, что и в татарских загадках о звездах прослеживается идентичная гастрономическая аллюзия рассыпанного проса, что так же можно рассматривать как проявление признаковой детерминанты тюркских языков: *Өй башына тары сиптем* [13. С. 22].

В испанских загадках звезды чаще всего сравниваются с фундуком (исп. *avellana*): *Una fuente de avellanas/ Se llena y no se derrama* [16. С. 47].

Нами было найдено несколько вариаций загадок с лексемой *avellana* «фундук», при этом используются различные по значению, но схожие по звучанию слова: *fuelle de avellanas* «фонтан полный фундука», *puente de avellanas* «мост из фундука». Антропоморфный код наблюдается в испанских загадках, где небесные светила уподобляются прекрасным дамам, что можно расценивать как куртуазный код испанской лингвокультуры: *¿Qué damas bonitas Salen por las noches/ Y, al llegar la aurora, En alto se esconden?* [16. С. 48].

Таким образом, тюркская мифопоэтическая традиция дает сходные тувинские и татарские образы звезд в загадках. Событийность флективных русского и испанского языков показывает интересный репертуар этноспецифических образов, в частности овец в русском, фундука и дамы в испанском материале.

Тень

Во всех четырех лингвокультурах загадки про тень сводятся к описанию ее как безмолвного, бесшумного биоморфного существа без ног, но способного передвигаться:

*Көөрге — көскү,
Тударга — туттунмас,
Амызы чок — ады бар* [12. С. 12].

В татарской традиции, как в тувинской и в русской, тень загадывается как явление, сопровождающее нас, но в то же время неуловимое:

*Көн куарсың, төн куарсың,
Ай куарсың, ел куарсың, —
Барыбер житә алмасың* [13. С. 19].
Аналогично в русском материале:
*Ходит без ног,
Рукава — без рук,
Уста без речи* [15. С. 307].

Испанские загадки про тень выделяются большей вариативностью и низыванием ассоциаций. Коммуникативно-функциональный стержень как русских, так и испанских загадок о тени тяготеет к описанию событий появления тени. Например, в испанском тексте тень загадывается как явление, ходящее по воде и при этом не мокнущее:

*Entro el agua y no me mojo,
entro al fuego y no me queto,
de arriba llueve y de abajo crece,
cortarla no pude, ¿qué te parece?* [16. С. 56].

Испанские загадки про тень оказываются линейно протяженными и подробными. Возможно, внимание испанцев к тени обусловлено климатическими условиями, когда при жаре тень является естественным спасением.

Примечательно, что в тувинском фольклоре, в отличие от русского и испанского, зоометафора «черная корова/бык» используется для обозначения тени, а не ночи: *Кара бугам өг долганды* [12. С. 12].

Итак, загадки про тень рисуют ее как биоморфную сущность и показывают наибольшее число образцов в испанском материале.

Ветер

Загадки про ветер богаты на метафоры и национально-специфичные образы. В тувинских загадках появляется лексема «сараакай», что обозначает карточную масть трефы [12. С. 18].

В одной из тувинских загадок ветер ассоциируется со «страшным ламой» — религиозным учителем в буддизме, характеристика которого как «страшиного» создает интенсивное признаковое свойство ветра: *Дагда дадай лама* [12. С. 18].

Тувинские загадки обнаруживают зооморфный код ассоциаций ветра с конем, одним из самых мифологизируемых животных, при этом конь оказывается без гривы и хвоста:

*Челер-челер боорда,
Чел, кудуруу чок,
Маңнаар-маңнаар боорда,
Макпалчыы чок* [12. С. 18].

В другом образце ветер предстает как витальное существо «сумеречно-черный силач», однако не уточняется его антропоморфный или зооморфный образ:

*Көөрге — көзүлбес,
Тударга — туттунмас,
Имиртиң кара мөге* [12. С. 18].

В татарских загадках ветер описывается как существо без головы, рук и ног, но тем не менее, биоморфное: *Аягы да юк, башы да юк, Үзе жұлдереп йөри* [13. С. 31]. Загадка *Кулсыз-аяксыз тарәзә кага* (Без рук-без ног, а стучит) является аналогом следующей русской загадки о ветре:

*Без рук, без ног
Под окном стучится
В избу просится*⁷.

В русском фольклоре ветер описывается по производимому действию-событию, при этом частотны глаголы, выражающие событийность, в соответствии с событийной детерминантой русского языка:

*Без рук, без ног, а ворота открывает;
Свищет, гонит, вслед ему кланяются* [31. С. 51].

Разрушительное действие ветра (в тексте два загадываемых денотата: *ветер* и *дым*) обнаруживаем в загадке:

*Пришел вор
Во двор,
Хозяина во двор унес* [15. С. 290].

По мнению В.В. Митрофановой, загадок, где ветер сравнивается с конем, мало [31. С. 51], однако в нашей картотеке есть такой интересный образец:

У батюшки жеребец — всему миру не сдержать [14. С. 224].

Самую негативную, на наш взгляд, окраску ветер получает в испанских загадках. В Испании часты ветра, которые считаются опасными и разрушительными, что отражается в испанских загадках, где подробно описываются события, в соответствии с событийной детерминантой, по Г.П. Мельникову, флективных языков. Например:

*Do y vida y puedo matar;
No hay quien me gane a correr;
Siempre te estoy azotando,
Y nunca te puedes ver* [16. С. 58].

В четырех лингвокультурах ветер олицетворяется. В тувинских и татарских загадках ветер описывается через признаки и качества, в русских и испанских — через проявления и действия ветра. Сравнение ветра с карточной мастью, не отмеченное в трех других лингвокультурах, становится лингвокультурологически значимым в тувинском материале.

⁷ Режим доступа: <https://spanwords.info/answer.php?key=1eb41c0b76b8acbf5908d8257c61260&id=432220> (дата обращения: 12.12.2021).

Дождь/ливень

В тувинском языке дождь, как и ветер, предстаёт скакуном:

*Шаап-шаап,
Шатта кирди,
Челип-челип,
Черде кирди [12. С. 20].*

Помимо этого, дождь загадывается через признаки, которые спасают человека от жары в степи:

*Дериткен кижии дээр манады,
Суксаан кижии суксун манады [12. С. 21].*

В татарских загадках, как и в русских, нередко описывается персонифицируемое вертикальное движение дождя сверху вниз: *Куктән килде, жиргә китте [13. С. 36].* Сравним русский образец: *Шел долговяз, / В землю увяз [15. С. 305].*

Значимость дождя для урожая отражает русская загадка, где зафиксированы сразу три вопроса:

*Один льет,
Другой пьет,
Третий зеленеет да растет [15. С. 298].
(Дождь, земля, растения).*

В испанском фольклоре существуют как простые загадки для детей про дождь, так и более сложные для отгадывания загадки, включающие, например, сравнение с Богом:

*Millones de soldaditos
Van unidos a la guerra,
Todos arrojan sus lanzas
Que caen de punta a la tierra [16. С. 50].
De la tierra subí al cielo,
Del cielo bajé a la tierra;
No soy Dios, y sin ser Dios,
Como al mismo Dios me esperan [16. С. 45].*

Дождь во всех четырех лингвокультурах предстает как биоморфная сущность, при этом тувинские и татарские загадочные тексты фиксируют внимание на качествах дождя, а русские и испанские — на его событийном проявлении.

Снег/лёд

Исследование показало, что загадки про снег и лёд характерны для тувинской, татарской и русской лингвокультур, тогда как в испанской лингвокультуре они не находят отражения из-за климатических условий. Самое большое количество загадок про снег нами было найдено в тувинском и русском материале. В тувинских загадках так же, как и в случае с ветром, используется образ скакуна, но его масть «белая-пребелая», т.е. вновь обнаруживаем качественную, по Г.П. Мельникову, детерминанту: *Маңган аскыр маңнап келди, Бараан чылгы түлей берди* [12. С. 14].

В тувинских загадках примечательно использование местных реалий рельефа, например, степи: *Ак ширтек хову шыпты* [12. С. 14].

Внимание к деталям, созвучное качественной детерминанте тюркских языков, наблюдается в загадках про идущий хлопьями снег и заснеженный в лесу пенёк, которые загадываются как «снежные бабочки» и «белоголовый старик» [12. С. 15].

В тувинском и русском языках встречаются практически одинаковые загадки про снег и его свойство таять:

*Ужуп чорааш — ыттавас,
Удуп чыткаш — ыттавас,
Оттуп келгеш — мөөрөп үнер* [12. С. 16].

В русском фольклоре отметим использование в загадке важнейших событий жизненного цикла:

*Летит — молчит,
Лежит — молчит,
Когда умрет,
Тогда заревет* [15. С. 306].

Внимание к деталям и точнейшим качествам природных явлений прослеживается в тувинской загадке, где денотатом выступает «таяние снега весной», не характерное для других исследуемых нами лингвокультур:

*Чадып каан хөвөңимни
Чабырааш чип бар чыдыр* [12. С. 16].

В татарской лингвокультуре популярна следующая загадка про лёд:

*Тышка куйдым — таи булды,
Өйгә керттем — су булды* [13. С. 42].

Для природно-географических условий Испании снег характерен для горных цепей. В сборнике загадок Хосе Луиса Гарфера и Кончи Фернандес нет ни одного образца про снег. Представленные на сайтах испанские загадки про снег связывают его с волшебством:

¿Qué tipo de magia es esta? Corrientes de arroyos de cisne por el río8.

Итак, загадки о снеге и льде как об обыденном природном явлении характеризуют тувинскую, татарскую, русскую лингвокультуры, с тяготением к подробному описанию признаков в тувинском и татарском материале и сосредоточении на событийности, в русском. В тувинских загадочных текстах примечательны фиксирующие внимание к деталям развёрнутые отгадки. В испанском фольклоре снег предстает как магия.

Заключение

Впервые на материале текстов загадок для тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультур предложен опыт контрастивного описания девяти природных явлений, с использованием интерпретации особенностей поэтики. Загадки о природных феноменах и явлениях: *солнце, луне/месяце, дне, ночи, звездах, тени, ветре, дожде, снеге*, – есть во всех четырех лингвокультурах, однако, как и следовало ожидать, их представление окрашено этноспецифически и обусловлено типологически, так как тувинская и татарская лингвокультуры тяготеют к фокусированию на признаках и качествах денотатов в загадках, созвучном признаковой (качественной) детерминанте, тюркских языков; а русский и испанский материал проявляет тяготение к событийности, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков, по Г.П. Мельникову.

Во всех четырех лингвокультурах природные явления персонифицируются, им приписываются свойства особо значимых в повседневной жизни животных (ср. образ *скакуна* в тувинской культуре), драгоценных металлов (*золото* в тувинских, татарских, русских, испанских загадках о солнце), либо артефактов гастрономического кода (*просо* в тувинской и татарской лингвокультурах, *фундук* в испанской лингвокультуре). Обозначенные явления природы могут комбинироваться в одном и том же тексте, и эта комбинаторика также окрашена этнолингвистически. Только в тувинском материале в тексте загадки обнаружена комбинация денотатов «*солнце*», «*снег*», «*лёд*». Структура отгадок обеспечивается в объеме от одного компонента (обнаружено во всех четырех лингвокультурах) до детализированной отгадки типа «*заходящее солнце*», «*идуций хлопьями снег*», что особо характеризует тувинскую фольклорную традицию на исследованном языковом и лингвокультурологическом фоне и явно проявляет типологическую качественно-признаковую детерминанту тюркских языков.

В контрастивном плане образам природы в текстах загадок свойственна лакунарность: загадки о снеге типичны для тувинской, татарской и русской

⁸ Режим доступа: <https://irgp2.ru/es/zagadki-pro-sneg-zagadki-pro-sneg-zagadka-snezhnyi-kom/> (дата обращения: 12.12.2021).

лингвокультур и крайне скудны в испанской, где снегу приписывается код волшебства и магии; в тувинском материале значимо сравнение ветра с карточной мастью, не отмеченное в трех других лингвокультурах.

Сходные образы могут применяться в отношении различных денотатов; так, в тувинском материале, в отличие от русского и испанского, зоометафора «*черная корова/черный бык*» используется в загадках о тени, а не ночи.

Во всех исследованных фольклорных текстах загадки о природе как о вечной сущности эстетически окрашены, содержат много неожиданных для инофона образных, поэтических и фактических деталей, что и делает тексты загадок привлекательным как для детей и взрослых, так и для исследователей — филологов, культурологов.

Неоценимо значение загадки в сохранении культурной памяти этноса, развитии лингвистической эрудиции студентов гуманитарных специальностей, что по сей день остается лакуной в лингводидактике иностранных языков, частной филологии, курсах по теории языка, лингвокультурологии, по лингвистической семантике и поэтике.

Контрастивное изучение загадок в четырех лингвокультурах выявило не только их этноспецифику, но и особенности формирования образности, что задаёт новые ракурсы изучения загадок в различных национально-культурных и коммуникативных контекстах и ситуациях.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и присловья русского народа. М.: Эксмо, 2000.
2. *Топоров В.Н.* Второе происхождение — загадка в ритуале (ведийская космологическая загадка типа brahmodya: структура, функция, происхождение // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик. 1999. С. 8–53.
3. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1976.
4. *Красных В.В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. 2011. № 4 (227). С. 60–66.
5. *Абдрашитова М.О.* Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.
6. *Ковшова М.Л., Орлова О.С.* Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 97–101.
7. *Медведева Е.С., Чеснокова О.С.* Лингвокогнитивный анализ испанских загадок о животных // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 59–71.
8. *Мугтасимова Г.Р.* Этнокультурные особенности татарских загадок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18) часть 2. С. 144–147.

9. Лазарева О.В. Языковая личность: результаты и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 229–237. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237>
10. Орлова О.С. Принцип непрямого номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти. Дис. канд. филолог. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2021.
11. Medvedeva E. Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles. Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles. Режим доступа: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.12.02.76> (дата обращения: 24.01.2022). <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.76>
12. Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Сборник/ (Сост. Г.Н. Курбатский). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002.
13. Татар халык табышмаклары / (төз. һәм кереш Т23 сүз авт. Х. Мәхмүтов). Татар. кит. Нәшр, 2014.
14. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941.
15. Русский фольклор. Сборник мифов, былин, сказок, песен, загадок, пословиц и поговорок/ Составление, вступ. Статья и комментарии В. Модестова. М.: Худож. лит., 2007.
16. Garfer, José L., Fernández, Concha. Adivinancero antológico español. Ponferrada: Ediciones del Prado, 1994.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
18. Ламажжаа Ч.К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
19. Самдан З.Б. Миф в фольклорной традиции тувинцев: (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016.
20. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре: Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001.
21. Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров. М.: РАН ИНИОН, 2015. С. 14–31.
22. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: монография под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: РФФИ, 2017.
23. Татарская нация: история и современное развитие/ научн. редактор и сост. Д.М. Исхаков. Казань, 2002.
24. Теляшов Р. Татары и русские: историко-лингвистические размышления. СПб., 2014.
25. Шихаб К., Еникеев Г.Р. Наследие татар. М.: Алгоритм, 2017.
26. Fuentes C. El Espejo enterrado. Madrid, 1997.
27. Pérez-Reverte A. Una historia de España. Madrid: Alfaguara, 2019.
28. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука, 2019.
29. Мельников Г.П. Системная типология языков. Курс лекций. М.: РУДН, 2000.
30. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Факторы типологической комплексности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 21–30. <https://www.doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>
31. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.

References

1. Dal', V.I. (2000). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
2. Toporov, V.N. (1999). The second origin is a riddle in ritual (Vedic cosmological riddle of the brahmodya type: structure, function, origin. In: *Studies in the field of Balto-Slavic spiritual culture. A riddle as a text*. Moscow: Indrik. pp. 8–53. (In Russ.).

3. Propp, V.Ya. (1976). *Folklore and Reality*. Moscow. (In Russ.).
4. Krasnykh, V.V. (2011). Fundamental Postulates and Some Basic Terms of Linguo-Culture Studies. *Russian language abroad*, 4 (227), 60–66. (In Russ.).
5. Abdrashitova, M.O. (2012). *The world-modeling function of the riddle genre in folklore discourse [dissertation]*. Tomsk. (In Russ.).
6. Kovshova, M.L. & Orlova, O.S. (2020). Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience. *Cognitive Studies of Language*. Vol. 2 (41): Cognitive and discursive paradigm in linguistics and related sciences: current problems and research methodology. Papers of the X International Congress on Cognitive Linguistics September 17–20, 2020, Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 97–101. (In Russ.).
7. Medvedeva, E.S., Chesnokova O.S. (2019). Linguocognitive analysis of spanish animal riddles. *Vestnik of Moscow state linguistic university. Humanitarian sciences*. Vol. 13 (829). S. 59–71. (In Russ.).
8. Mugtasimova, G.R. (2012). Ethno-cultural features of tatar riddle. *Philology. Theory & Practice*. № 7 (18). 2. S. 144–147. (In Russ.).
9. Lazareva, O.V. (2021). Language Personality: Results and Prospects of the Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 229–237. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237>
10. Orlova, O.S. (2021). *The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death [dissertation]*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
11. Medvedeva, E. (2022). *Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles*. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.12.02.76> (accessed: 24.01.2022) 10.15405/epsbs.2020.12.02.76
12. Tuvinskie zagadki = Tyvy tyvyzyktar: Sbornik (2002). G.N. Kurbatskiy (Ed.). Kyzyl: Tuvinskoje izdatel'stvo. (In Russ.).
13. Tatar national riddles (2014). (təz. həm keresh T23 sız avt. KH. Məkhmytov). Tatar. kit. nəshr.
14. Russian folklore (1941). Yu.M. Sokolov (Ed.). Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Nrkompromsa RFSRS. (In Russ.).
15. Russian folklore (2007). Collection of myths, epics, fairy tales, songs, riddles, proverbs and sayings, V. Modestov (Ed.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
16. Garfer, J.L. & Fernández, C. (1994). *Adivinancero antológico español*. Ponferrada: Ediciones del Prado. (In Spanish).
17. Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
18. Lamazhaa, Ch.K. (2021). Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, 3, 178–194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14> (In Russ.).
19. Samdan, Z.B. (2016). *Myth in the folklore tradition of Tuvinians: (forms of existence, plot composition, character system)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
20. Kurbatskiy, G.N. (2001). *Tuvans in their folklore*. Kyzyl: Tuvinskoje izdatel'stvo. (In Russ.).
21. Mikhail'chenko, V.Yu. (2015). Language situation and language policy in modern Russia. In: *The language situation in Europe at the beginning of the XXI century: Collection of reviews*. Moscow. pp. 14–31. (In Russ.).
22. Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence (2017). N.V. Ufimtseva (ed.). Moscow. (In Russ.).
23. The Tatar nation: history and modern development (2002). D.M. Iskhakov (Ed.). Kazan. (In Russ.).
24. Telyashov, R. (2014). *Tatars and Russians: historical and linguistic reflections*. Saint-Petersburg. (In Russ.).
25. Shihab, K. & Enikeev, G.R. (2017). *Tatar heritage*. Moscow: Algorithm. (In Russ.).
26. Fuentes, C. (1997). *El Espejo enterrado*. Madrid.
27. Pérez-Reverte, A. (2019). *Una historia de España*. Madrid: Alfaguar.
28. Gumilev, L.N. (2019). *Ethnogenesis and the Biosphere*. Saint-Petersburg: Azbuka. (In Russ.).

29. Mel'nikov, G.P. (2000). *Systemic typology of languages*. Textbook. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
30. Bakhtikireeva, U.M., Valentinova, O.I. & Rybakov, M.A. (2019). The factors of Slavic and Turkic languages typological complementary in the light of systemic linguistics and ethnology. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 3, 21–30. <https://www.doi.org/10.20339/PhS.3-19.021> (In Russ.).
31. Mitrofanova, V.V. (1978). *Russian national riddles*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах:

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов*: вариативность испанского языка (лексика, семантика, фразеология), межкультурная коммуникация, переводоведение, семиотика художественного текста, ономастика. *e-mail*: chesnokova-os@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7025-4098 eLIBRARY SPIN-код: 6485-4278.

Усманов Тимур Фазлитдинович, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, *e-mail*: timur.usmanov25@gmail.com

Information about the authors:

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University, Moscow; *research interests*: variation of Spanish (vocabulary, semantics, phraseology), translation studies, literary text semiotics, onomastics. *e-mail*: chesnokova-os@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7025-4098. eLIBRARY SPIN-code: 6485-4278.

Timur F. Usmanov, PhD student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: timur.usmanov25@gmail.com